

The background image is a highly detailed, painterly illustration of a gothic architectural scene. It depicts a narrow, overgrown street in a ruined city. In the foreground, two figures wearing black cloaks and hats are seen from behind, looking down a path that leads towards a large, ornate gothic archway. The archway is heavily decorated with intricate carvings and statues, and its top is partially covered by ivy and other climbing plants. Through the arch, a bright, sunlit street with more gothic buildings and a distant tower is visible. The overall atmosphere is one of mystery and historical decay.

Любовь Знойная

**Мертвые Души 2. Гоголь
дописал! Сожжённый
том «Мёртвых душ»
найден в старом
сундуке**

18+

Любовь Знойная Мертвые Души 2. Гоголь дописал! Сожжённый том «Мёртвых душ» найден в старом сундуке

*<https://litres.ru/74271872>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Рукопись, которую считали погибшей в пламени камина. Тот самый второй том, что Гоголь сжёг в феврале 1852 года, — чудом уцелел. Опалённые по краям тетради, спасённые верным слугой, полтора века хранились в тайне. И вот — перед вами полный текст.

Куда на самом деле унесла Павла Ивановича Чичикова его знаменитая бричка?

Бегство от разоблачения, сибирская ссылка, таёжная заимка и каторжный труд на краю света. Но именно там, среди снегов и медвежьей глуши, великий плут встречает людей, которые перевернут его душу: миллионщика-праведника Муразова, девушку с медным образком Улиньку, мрачного Собакевича, промотавшегося философа Хлобуева и Ивана Александровича

Хлестакова, который теперь служит в Тайной канцелярии и снова всех запутывает.

Восстанавливая против себя тайную полицию, отказываясь от серебряных сервизов и смертельно опасных авантур, Чичиков впервые в жизни делает выбор не в пользу наживы, а в пользу совести.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мертвые Души 2. Гоголь дописал! Сожжённый том «Мёртвых душ» найден в старом сундуке

Глава

Предисловие издателя (найдено в сундуке с рукописями)

Ежели ты, благосклонный читатель, держишь ныне в руках сию книгу, то знай: пред тобою — чудо. Не в том смысле чудо, как говорит об этом благочестивый простолюдин, но чудо литературное, библиографическое, почти невозможное. Рукопись, которую ты откроешь, есть не что иное, как второй том «Мёртвых душ», тот самый, что был сожжён автором в ночь на 12 февраля 1852 года в припадке душевного терзания, в присутствии изумлённого слуги, плачущего и молящего не губить бумаги. Все мы знаем эту историю: пламя поглотило труд почти всей жизни, оставив нам лишь черновые главы да вечный вопрос: «Что же там было?».

И вот — было.

Не мне судить, какой силою providения уцелел сей манускрипт. По словам лица, доставившего мне бумаги (лица, пожелавшего остаться в тени), рукопись была не сожжена, а спасена. Уверяют, будто бы сам автор, уже по прочтении молитвы и совершении страшного дела, уснул, а верный камердинер, рискуя обжечь руки, выхватил из камина уцелевшие тетради. Тетради были опалены по краям, многие листы покрыты копотью, но текст сохранился. В течение долгих десятилетий рукопись хранилась в семействе этого слуги как святыня, переходя от отца к сыну, пока наконец, уже в наше время, не была передана мне с единственной просьбой: «Напечатайте, как есть, ничего не правя».

Я исполнил эту просьбу. Читатель найдёт здесь и божественный гоголевский слог — то лирический и парящий, как орёл над равниной, то вязнущий в мелочах быта с комической дотошностью, — и его же неровности, повторы, места, где рука автора, кажется, дрожала. Но именно в этих дрожаниях — подлинность. Это не подделка и не стилизация. Это — живой, ещё тёплый, выхваченный из огня голос.

Итак, перед вами — не сожжённые «Мёртвые души». Роман, где Павел Иванович Чичиков проходит путь от плута до... Впрочем, не стану забегать. Как говаривал сам Гоголь: «Сюжет должен развернуться сам собою, как свиток». Развернём же сей свиток, помня о том, что мы держим в руках

уцелевшее чудо русской словесности.

Издатель А.Т.

С.-Петербургъ, 185...

ТОМ ВТОРОЙ

Глава первая

В которой Чичиков снова в дороге и встречает весьма необыкновенного помещика, а также размышляет о свойствах русской души

Если вы когда-нибудь выезжали из губернского города ранним утром, когда ещё сонные свиньи, хрюкая, переходят большую дорогу, а туман лежит на полях, как плохо выстиранная простыня, — вы знаете то чувство лёгкости и смутной тревоги, которое охватывает путника. Бричка Павла Ивановича Чичикова катилась именно таким утром. О колёсах можно было бы написать отдельную поэму: левое заднее издавало звук «пли-пли-пли», правое переднее — «труп-труп-труп», а вся бричка в целом напевала некую дикую симфонию, в которой, если прислушаться, угадывались и страх, и надежда, и воспоминание о вчерашнем обеде.

Селифан, по обыкновению, пребывал в разговоре с лошадьми.

— Ну, ты, чубарый, чего уши назад заложил? Думаешь, я

не вижу? Вижу! — говорил он, вовсе не глядя на чубарого. — Барин у нас, конечно, строгих правил, но справедливый. А ты вези, как полагается.

Чичиков, сидя в бричке, не слушал Селифана. Он был занят делом необычайной важности: пересчитывал в уме то, чего нельзя пересчитать. Мёртвые души, купленные им в городе NN, теперь казались ему не цифрами в ревизской сказке, а призраками, которые тянутся за бричкой длинной белой вереницей. «Вот, — думал он, — купил я их у Манилова, у Коробочки, у Собакевича... а что дальше? Закладывать их в Опекунском совете — затея, конечно, гениальная, но теперь, после этого дурацкого бала и этих дам, которые, чёрт их побери, разнесли сплетню быстрее почтовой тройки... теперь в той губернии меня всякая собака знает. Надо в другую. В другую! Россия велика».

И он улыбнулся той особенной улыбкой, которая появлялась у него всякий раз, когда он произносил мысленно: «Россия велика». В этой фразе для него умещалось всё: и бескрайние пространства, где можно затеряться, и бесчисленные помещики с их бестолковостью, и новые возможности для «приобретения». Приобретение! Сладостное слово! Оно грело его, как греет брюхо хороший ужин.

Между тем дорога пошла лесом. Лес был смешанный: берёзы стояли, как барышни в белых платьях, нарядившиеся

на бал, а дубы глядели на них, как старые отставные генералы, которым всё это легкомыслие непонятно. Солнце проби- валось сквозь листву и рисовало на земле золотые пятна. Чичиков почувствовал, что хочет есть.

— Селифан, скоро ли деревня?

— А вон, барин, за пригорком. Только это, барин, не де- ревня, а хутор. Помещик там живёт, Костанжогло. Сказыва- ют, человек диковинный.

Чичиков оживился. Диковинный помещик — это всегда либо дурак, либо скупой, либо хлебосол. В любом случае — интересно.

Хутор открылся внезапно, словно вынырнул из-под зем- ли. Но это был не хутор в обычном русском понимании — с покосившимися избами, лужами и вечным запахом кислой капусты. Нет! Всё здесь было ровно, чисто, устроено с ка- кой-то немецкой аккуратностью, но при том — с русским размахом. Избы стояли, как гренадеры на параде, крыши крыты новым тёсом, на окнах — занавески, и нигде ни од- ного забора, который бы падал. Чичиков даже протёр глаза: уж не заграница ли?

Сам помещик оказался человеком лет сорока, загорелым, с руками, покрытыми мозолями, и в таком простом сюртуке, что Чичиков сначала принял его за приказчика. Но глаза —

живые, быстрые, с огоньком — выдавали хозяина.

— Константин Фёдорович Костанжогло, — отрекомендовался он, безо всякой лишней любезности. — Вы, сударь, по делу или от дороги устали?

Чичиков, как всегда, начал издалека. Говорил о превратностях судьбы, о том, что ездит для собственного просвещения и пользы государства, ибо нет ничего лучше, чем видеть, как процветает русское хозяйство. Костанжогло слушал, чуть прищурившись, и вдруг перебил:

— А ведь вы, Павел Иванович, душонку-то свою продали. Я таких сразу вижу.

Чичиков поперхнулся воздухом. Такого прямого удара он не ожидал. Он привык, что его либо боятся, либо уважают, либо, на худой конец, обманываются в его пользу. Но этот человек смотрел на него без страха, без уважения и без желания обмануться.

— Помилуйте, Константин Фёдорович... — начал он, но Костанжогло уже повернулся и пошёл к амбарам, бросив через плечо:

— Идёмте. Покажу вам хозяйство. Может, скотина вас образумит.

И вот что странно: Чичиков пошёл. Что-то в этом грубом, мозолистом человеке было такое, что заставляло подчинять-

ся. Может быть, то, что он говорил правду? А правда действует на людей либо как удар хлыста, либо как магнитом. Чичиков пошёл за хозяином, как привязанный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.